

нии» и текст родословия литовских князей, который, как доказала Р. П. Дмитриева, органически связан и с «Посланием» и с «Сказанием». ¹⁵

Так же обстоит дело и с другим памятником, занимающим важное место среди публицистической литературы XV—XVI вв., — с «Повестью о Вавилоне». Х. Шедер, в отличие от В. Малинина, не причисляет «Повесть о Вавилоне» к источникам творчества Филофея, но она весьма неопределенно датирует эту повесть XVI столетием (без дальнейших уточнений) и, по-видимому, считает ее более ранним памятником, нежели «Послание о Мономаховом венце» и «Сказание о князьях Владимирских» (107—111). ¹⁶ Вне сферы ее внимания осталась работа известного советского филолога М. О. Скрипиля. М. О. Скрипиль, исследовав рукописную традицию сказаний о Вавилоне, доказал, что объединение их в единый цикл и включение в этот цикл рассказа о перенесении царских регалий на Русь относится к XVII в. К XV в. (и притом к первой его половине), по данным М. О. Скрипиля, может быть отнесено только отдельное «Сказание о Вавилоне-граде», никак не затрагивающее идею «византийского наследства». ¹⁷

Не считается с новой литературой вопроса Х. Шедер и при характеристике памятников, посвященных падению Константинополя. Излагая с некоторым скепсисом известную автобиографическую приписку Нестора-Искандера (о его нахождении в рядах турецкого войска во время штурма города), Х. Шедер отказывается от попытки определить время написания древнейшей рукописи его «Повести», ссылаясь на то, что «почерк оказывается на фотографии ясным уставом (*den klaren Ustav*), который без существенных изменений господствовал с десятого по семнадцатое столетие» (48), — замечание тем более странное, что почерк упомянутой ею Троицкой рукописи (не являющийся, кстати, автографом памятника) представляет собой вполне ясный полуустав начала XVI в., а никак не устав. ¹⁸ Не уточняя датировки памятника, Х. Шедер тем не менее включает «Повесть о взятии Царьграда» в число сочинений, хронологически и генетически предшествующих посланиям Филофея (38—49). А между тем именно явное противоречие между сообщением приписки, что Нестор уже «измлада» был обращен в мусульманство, и фактом его знакомства с приемами русской воинской повести заставляло уже Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанского предполагать, что к современнику-очевидцу могла восходить только фактическая часть повести, а остальные ее разделы, имею-

¹⁵ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских, стр. 59, 60, 93—94, 97—100.

¹⁶ Единственной хронологической вехой, дающей возможность уточнить время появления «Послания» Спиридона и других памятников, связанных с легендой о шапке Мономаха, служит для Шедер упоминание этой легенды «уже в 1525 г.» в письме «монаха Паисия из Ферапонтова монастыря» (111, ср. 92). Однако вся эта ссылка является результатом недоразумения. Письмо Паисия, о котором говорит автор (текст его см.: ЧОИДР, 1847. № 8), действительно было посвящено второму браку Василия (1525 г.), но написано оно было много позже этого события; как предполагал Е. Е. Голубинский, «не ранее второй половины правления Грозного» (Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, стр. 732, 733, прим. 1); автор письма Паисий был монахом не Ферапонтова, а Серапонского, или Серапотанского, монастыря на Афоне (М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. — СОРЯС, т. CI, Л., 1928, № 3), в связи с чем теряют силу рассуждения Х. Шедер о связи Паисия со Спиридonom, находившимся в Ферапонтовом монастыре.

¹⁷ М. О. Скрипиль. Сказание о Вавилоне-граде. — ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1951, стр. 119—144.

¹⁸ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века. — ПДП, в. 62. СПб., 1886, стр. 43 (фототипия).